

Владимир Мищенко

Больничная история

16+

Владимир Мищенко

Больничная история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48478016

SelfPub; 2022

Аннотация

От многих знаний и много суеты, а недостаток знаний может довести и до беды. Но хорошо то, что хорошо кончается. Возможно, кто-то узнает себя среди этих персонажей, но это, простите, не специально.

Владимир Мищенко

Больничная история

Больничная история.

Макс и Андрюха были неразлучные друзья еще со школы. Они были не просто одноклассники, но и одноклассники. Им не повезло, так как их год окончания одиннадцатого класса, был последним, когда экзамены в школе сдавали на общих основаниях, то есть в своей школе. ЕГЭ в их городе ввели только на следующий год.

Матерью Макса была медсестра, которая работала в местной поликлинике и, видя, сколько приносят “приношений” ее врачихе, она настояла, чтобы ее родной и единственный сын Максимушка поехал поступать в медицинский институт. Благо областной город был всего в ста пятидесяти верстах от их села. Вместе с Максимом поехал и Андрюха. Иначе и быть не могло. Приехали. Почти все для того, чтобы поступить в институт, они сдали успешно, то есть кровь из пальца и мочу в стеклянной баночке, а вот на первом же экзамене их нагло и вероломно завалили. Да, отвечали они средненько, но зачем же задавать столько каверзных вопросов?! После последнего вопроса-предложения написать формулу соляной кислоты, входящей в состав желудочного сока, Макс, подумав не более пяти минут, и, вспомнив формулу, написанную кем-

то на его старом учебнике по химии, написал H_2SO_4 . Здесь председатель комиссии вздохнула, закатила глаза к небу и тихо выдохнула. Потом она обвела глазами зал и остановила свой взгляд на Андрюхе, который, отложив свой листок, ждал своей очереди к столу.

– Уважаемый, – обратилась она к Андрюхе, – напишите, пожалуйста, хотя бы вы формулу соляной кислоты на своем листочке и дайте его мне.

От этих слов у Андрюхи отпала челюсть. Такой подянки он явно не ожидал. Пришлось делать умное лицо и не менее умно минуты три говорить: «Э-э-э-э-э-э... .Так-так-так... . Э-э-э-э... ». В конце концов он что-то решительно написал и отдал свой листок этой тетке. Она прочитала. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. А это можно расценить как хороший признак. Макс решил проверить себя и на полшага подошел к столу, взглянуть на записи друга. Там размашисто было написано « $NaCl$ » .

– Ё-мое, там же точно хлор есть, – запоздало чиркнула и улетела умная мысль.

Минуты через две размышлений председатель комиссии взяла в руки Андрюхин лист и начала читать. Прочитав, взяла в руки шариковую ручку с красным колпачком, также размашисто нарисовала внизу здоровенную двойку, а рядом поставила два восклицательных знака.

– Ознакомьтесь, коллеги, – сказала она и протянула этот лист членам комиссии. Каждый из них, прочитав, написал

рядом «согласен» и поставил подпись. Тоже самое сделали и с листочком Макса. И двойки, и все остальное на их листочках было, как у сестер-близняшек. Увы, но таких, как Макс и Андрюха после экзамена оказалось даже больше, чем они ожидали. Здесь же, среди братьев по несчастью, они услышали умную мысль, своевременно озвученную одним из “братьев” – если год поработать здесь же лаборантом, или медбра-том в больнице, то на следующий год возьмут вне конкурса. Только об этом нужно справку принести. От такого легкого решения они просто обалдели и сразу же побежали в отдел кадров института. Там попросили аттестаты за одиннадцатый класс. Ознакомившись с итоговыми оценками, им вежливо отказали, сославшись на отсутствие вакансий. Методом отрицания они пошли в ближайшую больницу. Как не имеющим элементарного медицинского образования, им предложили должности санитаров, то есть помыть, вынести, принести. А в конце года дать справку? Нет проблем! Даже выделили койки в общежитии. Друзья выросли в селе, где в каждой семье были, если не корова, то свиньи и куры – это точно. То есть к грязной и вонючей работе они привыкли с детства, поэтому принести – отнести “утку” абсолютно их не напрягало. А мыть полы шваброй или постелить белье, так это вообще отдых.

Так они проработали почти год, а если точнее, до конца мая. Стояла жаркая, почти летняя погода. Новые листочки зелеными червячками начали расползаться по деревьям. Ду-

ша радовалась и просилась на природу.

* * *

В это утро друзья по дороге на работу заскочили на небольшой придорожный базарчик затовариться пивком. Купив по паре бутылок темного пива, на выходе они увидели москвич – пирожок. Два таджика торговали мясом. Макс с Андрюхой непроизвольно остановились рядом.

– Макс, что-то мне вчерашняя получка карман оттягивает. Давай мясца купим и вдарим по шашлычку.

– А что? Мысль хорошая, но главное – вовремя. Уважаемый, как говорит одна моя знакомая, век бы ее не видеть, взвесь нам килограммчик для шашлыка. Надеюсь, мясо свежее?

– Обидеть хочешь, да? Еще сегодня тьякал. Смотри, какой хороший кусочек. Вот, дорогой, смотри – ровно кило двести. Бери. Не пожалеешь. Будет потом о чем вспомнить.

Придя в больницу, они спустились в подвал, где находился малый морг, и оставили своему знакомому санитару в холодильнике свой будущий фуршет или ужин на траве, короче, там уж как получится.

В своем отделении получили задачу. Старшая медсестра, старая тетка тридцати девяти лет, была привередливая и вредная, так как не только ставила задачи, но еще и проверяла их выполнение. А это, сами понимаете, не одно и то же. Возможно, благодаря этому они свою работу стали выпол-

нять качественнее и быстрее.

В тот день они справились относительно быстро – часа за два с небольшим. Старшая медсестра неспеша обошла все объекты, где, не жалея сил и собственных рук, трудились друзья и, не сказав ни слова, кивнула головой, зовя куда-то за собой.

Остановилась она у двери, над которой было написано “Операционная”.

– Сидеть здесь! Операция закончится, и отвезете больного, куда доктор скажет. Поняли?

От сурового старшинского взгляда парни вытянулись, но непонятно откуда взявшееся першение в горле и легкая дрожь в руках, помешали что-либо сказать, поэтому они просто кивнули головами в ответ.

– Эх-х, – протянула старшая медсестра и чисто мужским движением левой рукой почесала себе шею с правой стороны. От этого друзья сделали полшага назад. Они сделали бы и больше, но помешала стена, поэтому они буквально влипли в нее, в смысле – в стенку. Плавно повернувшись, старшая медсестра, элегантно покачивая бедрами, пошла прочь.

– Лет пятьдесят назад она, наверное, была еще ничего. – Оценив фигуру своей работомучительницы, сказал Макс.

– Я представляю какую характеристику она нам напишет. – Убитым голосом ответил Андрюха.

– Посидим?

– Посидим.

+ + +

А в это время за дверью операционной шла плановая операция по удалению аппендикса. У пациента приступ боли прошел, и он даже потерпел, пока ни сделали, то бишь ни отрезали такой же кусок слепой кишки, другому пациенту, привезенному сюда по скорой.

Операция началась как обычно, но аппендикс, вдруг, ни с того ни с чего, сам лопнул. Благо все уже было под контролем и, самое главное, – под рукой. С проблемой справились, но пришлось повозиться, а больному – потерпеть. Действие местной анестезии заканчивалось, плюс нервное возбуждение, поэтому легкий озноб, паршивое настроение и боль внизу – это естественные ощущения. Заметив, что больного немного трясет, операционная сестра, переложив на каталку, укрыла его простынею по самый подбородок и вывезла в “предбанник”. Отсюда санитары забирали больных и развозили по палатам. Макс и Андрей почти за год работы в больнице как-то не умудрились ни разу развезить послеоперационных больных. Поэтому они не обратили внимания на засветившуюся лампочку, а продолжали фантазировать и строить планы на вечер. А у замершего больного от холода уже зуб на зуб не попадал.

Помыв руки после операции, хирург выходил из операционной. На входе стояла каталка с больным. А может уже и

не с больным, так как тело было закрыто простыней с головой. Сердечко хирурга екнуло – мало ли что могло случиться с больным после операции. Тогда почему тело здесь, а не в реанимации? Преодолев первые секунды робости, хирург откинул простынь. Ба-а. Так это последний клиент. И вид, как у живого.

– Что случилось, батенька? Почему лежим? Почему не в палате? Понравилось у нас?

– Не-е-е знаю.

– Кх-х, – подумал хирург и выглянул за дверь, – молодые люди, позвольте спросить, зачем вы здесь?

– Сказали кого-то и куда-то отвезти.

– Первый раз?

– Ага.

– Понятно. Тогда возьмите кого-нибудь и отвезите куда-нибудь, как вам сказали и как написано вот здесь, – он ткнул пальцем в карту, прикрепленную к каталке.

Больной почти ничего не видел, от услышанного настрое-ние у него не улучшилось. Но то, что его каталка, наконец-то, тронулась и хоть куда-то поехала, его немного успокоило и даже слегка обнадежило. Он, по возможности, расслабился, чтобы хоть чуть-чуть получить удовольствие.

– На лифт? – раздался сверху голос санитара или медбрата (тонкостей в профессиях медработников он не знал).

– Наверное, да. Не тащиться же в самый конец. Сейчас спихнем его и на базу.

– О, ты не представляешь, какой балдешь нас ждет вечером. Подфартило нам сегодня с этим мясом. Сейчас быстренько в морг, нашинкуем свеженького мяса, зальем укусом, посыплем перчиком и лучком. Пока доедем до места, все будет чики-чики.

Больному под простынею почему-то сразу стало тепло. Мало того, он вспотел. В его мозгу начали ворочаться какие-то мысли, слухи, анекдоты. И все это лезло наружу, причем одновременно.

– Я понимаю, если бы на запасные органы,– с долей возмущения подумал больной,– но вот так! На шашлыки! Еще живого! Дома расскажешь – не поверят. Хотя, как я дома расскажу, если меня уже сейчас на кусочки пошинкуют и луком посыпят?!

И тут его горячий пот резко сменился на холодную испарину. Ему стало страшно. А снаружи стали раздаваться такие же страшные слова.

– Ну, что в морг?

– Доктор сказал в морг, значит, в морг.

Раздался зловещий дружный смех. Из-под простыни вывалилась рука потерявшего сознание больного, но довольные и счастливые друзья этого даже и не заметили. Грузовой лифт опустил их в подвал. Резкий запах хлороформа и тряска на стыках половой плитки привели в себя бедолагу – больного.

– Интересно, где я?

Он осторожно приподнял простынь и одним глазом начал судорожно, если, конечно, это слово можно применять к глазу, осматриваться. “Лифтерная”, “санитарная комната”, “патологоанатом”,....

– Ё-мое! – Шепотом закричал он. Очень тоненькая нить последней надежды звонко лопнула и порвалась где-то внутри его души. Шансов на спасение не осталось. Два здоровых мордovorота враз скрутят, если только попытаешься дернуться. Больной начал готовиться к смерти. Он еле успел накинуть на себя, а, если точнее, на свой глаз простынь, как каталка остановилась. Скрипнула дверь. И скрип дверной был не простой, а, естественно, мрачно – угрожающий и таинственный, так как за этой дверью таилось нечто, о чем даже думать было страшно. Но, на самом деле, за этой дверью обитал пофигист – нигилист, тот самый патологоанатом Сергей Петрович. Двадцать восемь лет от роду. Не женат. Серега и Сереженька – для медперсонала и уважительно Петрович – для Макса и Андрюхи. Дверь скрипнула, и больной услышал, как его конвоиры – мордovorоты вошли вовнутрь. Шанс! Шанс на спасение все-таки был дан ему. Откинув простынь с головы, больной огляделся. В нескольких метрах от него стояло несколько подобных каталок, на которых лежали тела, как и он укрытые простынями. И у них, как и у него из-под простыни торчали ступни ног. Резко оттолкнувшись от двери, больной, прокатился до общей стоянки каталок. Ближайшая к нему каталка оказалась с упакованными на ней

небольшими ножками с ярко – красным педикюром.

– Фу, – подумал больной.

А вот рядом с ними лежали вполне пригодные ступни сорок пятого размера с нормальной грязно – черной окантовкой под ногтями и прямоугольной биркой на большом пальце. Две секунды ушло на то, чтобы снять бирку с пальца и засунуть ее под пятку. А вот толкнуть на свое место под дверью чужую каталку не получалось – мешали законы физики и больной откатывался назад сам, а уже неживой продолжал лежать на своем месте. Превозмогая боль внизу живота, пришлось буквально стечь на пол и только после этого удалось столкнуть вторую каталку, отправив ее в путь к злаполучной двери. Еще секунд десять ушло на обратное “возлегание” на ложе и укрывание себя простыней.

В это время за дверью Макс и Андрюха, предвкушая вечерний шашлык, просто по-мужски балагурили.

– Петрович, ладно, мы пошли, но может хряпнешь с нами винца?

– Не-а. С утра масть не идет. Голова дуром валит. Пятьдесят грамм чистенького накатил – нормально вроде стало. А сейчас опять что-то поплохело. Есть не могу вообще. Сейчас еще грамм сто, а лучше сто пятьдесят, потом минералочкой запью, покурю и за работу. А то ко мне уже очередь выстроилась из пациентов. Вон там, за дверью. Я их к порядку приучил. Слышите? Ага. Молчат, не ругаются, не возмущаются. Вот за это я и люблю свою работу. Не то, что эти зубнюки

– садисты.

Опять заскрипела дверь. Послышались шаги. И совсем рядом с каталкой больного:

– Не-е, Петрович, спасибо, но нам твои ножи не нужны. У меня свой тесак есть здоровый. Я, как знал, только вчера наточил.

– Ё-е-е! – довольно громко заскулил под простынею еще живой больной. Если бы он лежал у двери, его наверняка бы услышали, но на свою беду теперь он лежал далеко от них. И ему ничего не оставалось делать, как покрепче закусить нижнюю губу, чтобы не выдать себя в следующий раз.

Друзья взяли свою, по крайней мере, они думали так, каталку и покатали ее к лифту, чтобы доставит больного в его палату. Воспользовавшись паузой, больной вновь высунул голову из-под простыни. Его взгляд упал на табличку с надписью “Схема пожарной эвакуации”. Быстренько найдя на схеме место своей дислокации, он, как человек с незаконченным высшим образованием, определил и маршрут своей личной эвакуации или, если опять же точнее, бегства. Тем более в заманчивой дали он достаточно четко видел широкие металлические ворота и над ними светящееся табло с надписью «Выход». Уже привычный скрип двери заставил его нырнуть под простынь. Вышел Петрович и не спеша закатил все каталки в свою препараторскую или, как слышали Макс с Андрюхой, – резекторскую. Каталка больного была ближайшей к двери, поэтому она оказалась ближайшей

к разделочному столу и, следственно, его же первым Петрович отработанным движением спихнул с каталки на стол. Теперь можно было и подлечиться, и выкурить папиросу, чтобы потом не отвлекаться. А больной, он же временно живой, в трансе лежал на холодном столе и, почти вовремя вспомнив, шептал:

– Господи! Господи! Господи!

Макс и Андрюха с чувством выполненного долга подкатали своего больного к посту медсестры.

– Сестричка, принимай клиента пока тепленький.

– Спасибо, мальчики, – ответила им дежурная медсестра, лет восемнадцати. В это время она, вытянув губы трубочкой, очень тщательно и внимательно мазала их губной помадой, разглядывая и корректируя свою работу посредством маленького зеркальца. Зеркальце было уж очень маленьким, поэтому все получалось как-то не так и не очень. Короче, она была занята важным делом.

– Сейчас я закончу через секундочку и скажу в палате, чтобы его забрали. А вы пока поставьте его здесь, в стороночке, чтобы не мешал людям ходить.

– Нет проблем, красавица. Как скажешь.

Они закатали каталку за какой-то стеклянный шкафчик со склянками и пошли в морг, чтобы забрать из холодильника свое мясо и, наконец-то, заняться шашлыком.

– Петрович! А вот и мы. Где наше мясо? Посмотри, какой у меня тесак! Здоровый, правда? Одним ударом пополам пе-

решибаю. Ништяк. На чем бы тебе показать?

Служебные помещения, даже, если они достаточно большие по площади, все равно ограничены и разграничены мебелью и инвентарем. Так и здесь разделочный стол стоял посередине зала и куда бы ты ни шел, все равно пришлось бы идти мимо стола. Да, именно того, на котором лежал наш больной. Услышав такие слова и шаги в сторону стола, я думаю, мало кто возрадовался бы на его месте.

– Не-е-т! – вскричал он и со скоростью джейрана бросился к двери. Выскочив за дверь, он буквально врезался в группу студентов – медиков, пришедших сюда на практику. Первым стоял худощавый парень в круглых фирменных очках. Схватив его за грудки, больной, глядя в огромные зрачки, увеличенные диоптриями очков, прокричал:

– Не дамся! Не дамся! – но, увидев, как эти огромные зрачки медленно закатились вверх, а само тело студента медленно поплыло вниз, он бросил его и стремглав понесся в сторону спасительной таблички с надписью “Выход”. Почти сразу за ним в дверь выскочил довольно сильно податый Петрович.

– Больной! Назад! Назад, я сказал! Немедленно на стол. Я же вас еще не успел разрезать!

Почти синхронно раздались звуки, обозначившие падение двух халатов, из которых не успели вылезти две девушки – практикантки.

– Ну, вообще, оборзели. – Непонятно к кому обращаясь,

произнес Петрович.— Практиканты? Ну, заходи. Я сейчас еще кого-нибудь на стол закину. Сглазил же. Только сегодня похвалился, что у меня порядок, дисциплина, ни один еще не ушел. И вот на тебе. Смылся. Вот гад!

На этот раз Петрович выбрал каталку с педикюром.

— Хоть эта не убежит. Я думаю. Ну, че-е, где вы там? — он подошел к двери, выглянул. Никого. Вообще. Боковым зрением слегка осоловевших глаз он все-таки рассмотрел на полу три халатика, в которые было что-то завернуто.

— Ну, оборзели. — Повторился Петрович и аккуратно закрыл за собой дверь. Дверь была частью его кабинета, а кабинет был его работой, которую он любил. А то, что в его любимом кабинете на полу лежат еще два халата, он так и не заметил — работа, прежде всего. Петрович достал блюдечко, нарезал в него солененьких хрустящих огурчиков. Налил в три пластмассовых одноразовых стаканчика по двадцать грамм спирта, добавил в них воды. Все это поставил рядом со своей работой, то есть рядом с телом, заняться которым ему сейчас предстояло. Ведь еще Петрович любил порядок, а не любил суетиться и отвлекаться во время работы.

— Что ж, приступим.— Произнес он свою традиционную фразу и натянул свою марлевую повязку на нос.

+ + +

Медсестра сестричка — красавица все-таки справилась со

своим пухленькими губками. Еще раз оценила свою работу в зеркальце. Подправила свои крашенные под блондинку волосы и пошла в палату, чтобы ходячие больные помогли переложить в кровать послеоперационного больного. Каталку подвезли к койке и сняли с больного простыню. Ее взору предстал дед с ввалившимися щеками и синей-пресиней кожей.

– Мертвец! Батюшки! – судорожно произнесла она. – Пока я красила губы, он помер. Мне конец. Тюрьма. Тюрьма!!

Забыв закрыть тело простынею, уже без помощи мужиков, она выкатила каталку в коридор и понеслась в реанимацию.

– Спасите! – закричала она, распахивая каталкой двери реанимации. Врач – реаниматор подскочил к телу и пощупал пульс на сонной артерии. После этого внимательно осмотрел все тело.

– Голубушка, это тело больше суток мертво. Увы, но даже я не в состоянии ему помочь. Обращайтесь к Иисусу. Он Лазарю помог, когда тому еще хуже было.

– Как же? Мне его только из операционной привезли. Ему только что аппендицит вырезали!

– Да? Хм. По-моему этому послеоперационному шву лет двадцать, если не больше. А это что? – Доктор достал из-под пятки деда прямоугольную бирку. – Голубушка, из какой палаты вы его забрали? Вот бирка, которую привязывают к большому пальцу. Но делают это в морге. А вы откуда?

– Из полостной хирургии.

– Хм. Любопытно. Тем не менее, я рекомендовал бы вам спуститься в морг, в прозекторскую и разобраться там. Возможно, больных поменяли местами. Надеюсь, случайно

– Да-да. Конечно.

Ошарашенная, ничего не понимающая девчушка с отсутствующим взглядом молча, покатила тело к лифту.

В подвале запах хлороформа слегка привел ее в норму. Может быть, к сожалению, так как у кабинета патологоанатома лежало три тела в белых халатах.

– Что с ними? – подумала она, тихо лавируя своей каталкой среди тел и пробираясь к двери. Открыв дверь, она толкнула каталку. Возле порога лежали еще двое.

– И здесь жмурики, – с тихим ужасом удивилась она, – где же доктор?

Доктор был на рабочем месте. Но уж лучше бы она его не видела, так как в это время доктор, любивший все делать размеренно и не спеша, снял маску, выпил из стаканчика, а потом чистым скальпелем поддел с тарелочки огурчик. Огурчик хрустел на его зубах, а доктор от блаженства закрыл глаза и что-то мурлыкал.

Молодая и неопытная медсестра впервые видела, как патологоанатом выпивает и закусывает внутренностями препарированного человека. Да, она много слышала о них. Сама рассказывала про них анекдоты, но чтобы вот так!! Звук падения ее халата был значительно громче, чем у ее предше-

ственниц за дверью, но Петрович, умиленный хрустящими огурчиками, не услышал и этого.

+ + +

Примерно в это же время, но чуть раньше, в комнате, прилегающей к официальному кабинету мэра города, в так называемой комнате отдыха, вальяжно раскинувшись на мягких креслах, сидели начальник Главного управления ГО и ЧС области и сам хозяин кабинета, то бишь мэр города.

– Послушай, Толик, – обратился мужчина в форме с полковничьими погонами на полевой куртке, – во Франции авария на химическом заводе. Больше сотни пострадало. А местная больница не была готова к такому объему пострадавших. Я вот тут подумал, а вот как у нас, не дай Бог, конечно, что-нибудь наподобие. Наприезжают всякие “москальи” проверять, воду мутить. А может нам самим что-нибудь такое отчудить?

– Надеюсь, ты не хочешь рвануть наш оборонный завод, где почти шестьдесят тонн аммиака?

– Нет, конечно. Я имел в виду потренировать нашу больничку на предмет боеготовности. Внезапную, приближенную к боевой проверку. А? Давай сделаем. Тем более этот засранец главврач так и не отправил мою тещу по бесплатной путевке в Пятигорск. Зараза. Весь отпуск с нами просидела.

– Ну, если весь отпуск, то, разумеется, надо проверить

боеготовность нашей больницы. Тем более, согласно плану внезапных проверок, утвержденного только что мною, на сегодня как раз такая проверка и назначена.

– Так я звоню своим охламонам?

– Разумеется.

– Чудесненько. А ты звони своим ГОЧПешникам .

Отрегулированный механизм сработал четко, как часы, и уже через двадцать минут первые машины устремились в сторону оборонного завода, где якобы произошел выброс аммиака, и в сторону городской больницы, куда начали доставлять якобы пораженных. Начальник управления ГОЧС был добрый душой человек и, поэтому для своего товарища, которого он величал другом, усложнил задачу. Небольшая вводная по изменению направления ветра и уже сама больница попала в зону химического заражения, из которой она превратилась в зону поражения. Теперь уже и в больнице появились десятки пораженных, хотя и условно. Руководил операцией опытный капитан МЧС, но, так уж случилось в очередной раз, он никогда не нюхал запаха формалина, столь родного и близкого всем медикам.

Операция началась со звукового сигнала и речевого сообщения о проведении учений и практически с того, что прибывшие спасатели, надев противогазы, с носилками наперевес, бросились выносить условно пострадавших. Капитан, как руководитель операции, остался внизу, наблюдая, контролируя и раздавая указания. Ворота в подвал, находящиеся-

ся рядом с ним, почему-то были закрыты. Кипучей деятельностью там не наблюдалось, а это не порядок. Решив лично вмешаться и отчихвостить ленивых, он пошел вниз. Войдя, он сразу же почувствовал резкий запах незнакомого газа. В дальнем конце коридора он увидел несколько бездыханных тел и приоткрытую дверь. За ней еще три неподвижных тела и вдали качающегося отравленного ядовитым газом человека. Резко надев на себя противогаз, он бросился спасать единственного живого в этой трагедии.

Пострадавший уже был не в состоянии что-либо говорить и только мычал. А его редкие слова все равно терялись где-то там, не пробиваясь сквозь резину противогаза. Вытащив человека наверх и передав его спасательной бригаде, он по сотовому телефону связался с начальником управления.

– Товарищ полковник! – прокричал он в трубку. – Здесь такое! Ужас! Уже шесть трупов в подвале! Одно пострадавшего сам лично вытащил. Еле спас его. Газ, какой – то. Не знаю. Но уже семь человек пострадало. Наверное, погибли. Послал команду с носилками. Очень резкий запах. Да. Незнакомый. Есть вас ждать.

Легкая эйфория, что витала в мозгах мэра и начальника управления, моментально испарилась, а их лбы покрылись испариной. Одна и та же мысль о предстоящих разборках комиссией из Москвы и, скорее всего, увольнение, судорожно билась в виски. Да, там где медицина, там часто случаются судороги. И не важно, если вам скажут, что у мозгов не мо-

жет быть судорог. Не верьте им. Они просто этого не знают.

В сопровождении милицейского эскорта с сиреной и мигалкой, городская управа почти в полном составе уже через пятнадцать минут была возле больницы, где решались вопросы не только городского масштаба, но, что более важно для некоторых, – их личные, а именно: карьера, власть, льготы, доступ к . . . . . Многоточие иногда приравнивается к знаку бесконечности . Но это уже уровень депутатов госдумы, и им подобным народным избранникам, которые носят часы за двести восемьдесят тысяч евро и живут за границей в гостиницах от тридцати тысяч евро за сутки. И им за это ничего не бывает – мы же не китайцы в Китае. А жаль. Но об этом простому электорату лучше не знать, чтобы избежать судорожных подергиваний шей и глазом.

Взглядам городских властей предстали семь медицинских каталог, которые находились в зоне, огороженной красной лентой с американской надписью с обеих сторон.

– Обложили, как волка, – подумал мэр, – скоро и охотники подспеют. А я только начал жить. Я даже не успел достроить дачу на побережье Франции для своей дочери. Если выгонят на пенсию, то придется, очевидно, уехать в свой домик в Андалузии, который я купил в прошлом месяце, или к жене в Швейцарию. Нет, там у нее джакузи хуже. Хотя три бассейна, – и уже вслух обреченным голосом, – пойдем, посмотрим.

– Не-е. Я покойников боюсь.

– Ты же полковник?

– Живой полковник. А как окочурюсь, как они, там еще успею насмотреться. Лежат и лежат. Что на них смотреть. От моего взгляда они не оживут.

И как раз в это время из какой-то каталки раздался громкий стон. Все оцепенели. Все – это городские начальники, так как все остальные, подобно пчелкам или муравьям, носились вокруг больницы, старательно имитируя кипучую деятельность. Не удивительно, ведь после учений всегда писали приказ о результатах учений, где кого-то наказывали, что грозило лишением премий, или наоборот, что также грозило премией, но уже выплатой, как отличнику службы и тому подобное. То есть, чтобы поощрить одних, надо было выявить и наказать других. Денежный фонд не резиновый и в госфонд не влезешь для собственного поощрения, как это иногда делают в той же госдуме.

Пока начальство экало – мекало и смешно размахивало руками, забыв, что клоунам по жизни нельзя так сильно засвечиваться на людях, одна из прихваченных на всякий случай секретарш ходила за врачом.

– Так. Что у вас здесь случилось?

– По–моему, это у вас здесь что-то случилось!– Резко осадил наглеца мэр, – Доложите, что это за люди, какая ситуация.

– А что, люди, как люди. Все нормально. Сейчас оклемаются.

– Как, а разве они живые? Все?

– Вон те шестеро – нормальные, а один – да, мертвецки ...

Доктор не успел договорить, а мэра уже опять прошиб холодный пот. Логическая цепочка быстро сложилась в его голове: труп – комиссия – увольнение – конец жизни – начало бомжевания в Испании или Швейцарии. -..... Пьян. Но у него отличное здоровье. Проспится.

Но тут вновь раздался стон. Теперь по голосу можно было догадаться, что очнулась женщина, а может – девушка. Или наоборот.

– О, давайте послушаем, что они нам скажут.

– Всем оставаться на своих местах! С доктором иду я и полковник. В смысле, начальник управления ГОЧС.

На самом деле очнувшихся было двое. Молоденькие девушки блуждающими отсутствующими взглядами пытались что-то или кого-то увидеть.

– Так. Смотреть сюда! – скомандовал доктор одной из них, щелкая пальцами у нее перед глазами. – Вы себя хорошо чувствуете?

– Я? Где я? Ой, там люди, там голые люди бегают. Он на меня набросился.

– Кто? Кто бросился на вас?!

– Человек. Он был совершенно голый. Он выскочил из двери и сразу на меня. Потом выскочил еще один с окровавленным ножом. С таким большим и закричал, что он его еще не дорезал. Просил вернуться назад, чтобы он смог довести

дело до конца.

– Та-а-к. Глюки. Крыша поехала. Буду вызывать спецбригаду. Как бы буяннить не начала.

– А это опасно?

– Бывает, что и очень. Посмотрим вторую, что она скажет. Девонька! Але-е! Скажи нам что-нибудь, красавица. Смотри сюда, на меня. Не бойся. Скажи что-нибудь.

– Мамочка! – Внезапно заплакала она. – Он его ел и запивал из стаканчика.

– Кто ел? Кого?

– Я зашла, а он... там... отрезает кусочек от нее и в рот. А потом хлюп-хлюп из стаканчика и глаза закрывает от удовольствия.

– Массовая галлюцинация. Поразительно. Их всех нужно срочно госпитализировать. Одна – да, но массово – это не возможно, хотя.....

– Доктор, а это заразно?

– Возможно, возможно, – задумчиво произнес доктор и куда-то пошел, на ходу набирая какой-то номер по сотовому телефону.

Мэр и полковник переглянулись. Их мысли опять совпали. Пробегаая мимо своей свиты, на множество вопросов мэр только бросил:

– Они все там сошли с ума. Это заразно. Ужас!

Один из свиты полковника послунывил палец .

– Ого, а ветер-то дует в нашу сторону. Интересно, оно пе-

редается по воздуху?

– Неужели ты думаешь, они заразились в бане. В халатах-то.

– Успеть бы доехать до дома, пока крыша не поехала. Интересно, какой инкубационный период?

– А вот на тебе и проверим.

Юмор понимают, но не все. Особенно в такой обстановке. Тем более, если рядом представители прессы и телевидения, готовящие репортажи к вечерним новостям. Это вам не восемьдесят шестой год, когда об аварии на Чернобыльской станции узнали после того, как радиоактивные облака пару раз обогнули земной шар. Уже через полчаса экстренные выпуски разнесли весть о страшной угрозе постигшей город – эпидемии бешенства. Переносится по воздуху! Почти вся администрация города подверглась заражению! Не излечимо! Начались звонки родным на заводы, в офисы. Заводы, фабрики остановились. Офисы закрылись. Народ спешно покинул город. Семья мэра в полном составе и семья начальника управления плюс секретарши (не все, а только две....) в самолете мэра срочно вылетели на доклад в Москву. В управлении полковника все ходили в противогазах. Экспертов – химиков и биологов у них в штате не было. Сократили заодно, когда сокращали и у военных, так как врагов у России опять не стало. Как в сорок первом.

В Москве срочно созвали совещание, куда пригласили и Министра обороны, ведь в новостях сказали, что это разра-

ботка военных, которая просочилась из секретной лаборатории, как уже было раз в Иркутске, или военные решили под видом учений МЧС проверить действие этого препарата на людях, как это сделал когда-то маршал Жуков при испытании нашей первой термоядерной бомбы на полигоне в Астраханской области. А ситуация вышла из-под контроля. Как обычно, впрочем. Министр обороны – человек далекий от армии по всем статьям, начиная от абсолютно не военного образования и заканчивая патологическим страхом перед оружием, поэтому на всех демонстрациях нового вооружения он стоял от техники или столов, где было разложено оружие, метрах в десяти и за Президентом. Но умное лицо, представительный упитанный вид и родственные связи покрывали все это. И снять его с должности было не возможно, хотя попытки уже были, по причине... . Впрочем, это уже другая, такая же выдуманная история. Короче, снять его было невозможно. С этим нужно было только смириться, как с поносом при дизентерии. Поэтому на все вопросы он отвечал не МО, не МУ, не кукареку. Потом на совете вспомнили “ху из ху” и перестали задавать ему глупые вопросы, так как известно, что умных вопросов не бывает.

В результате заседания из запаса были срочно призваны в армию на переподготовку лучшие специалисты по химическому и биологическому оружию и заказан самолет, чтобы доставить эту бригаду в пострадавший от толковой администрации город. Министр иностранных дел уже загото-

вил ноту американскому президенту о том, что у нас имеются неопровержимые доказательства о том, что в России была проведена диверсия шпионами ЦРУ совместно с террористами Аль-Каиды.

А в местной психиатрической больнице, к сожалению, все развивалось по обычному сценарию.

– Вам больно? Вам не хорошо? Вас что-то беспокоит? Вы хотите об этом поговорить? Да, да. Как я вас понимаю! – А потом, обращаясь к медбрата, – Вколите-ка ему двойную дозу. Сделаем человека счастливым, раз уж его к нам привезли, да и вам на дежурстве будет спокойней.

Тем временем прибывшая научно – спасательная бригада тщательно обследовала здание больницы от подвала до чердака включительно, но не было обнаружено никаких следов подозрительно опасных газов. А хлорка, формалин, нашатырь – это родные больничные запахи. От них в больницах еще никто не умирал.

Дело закрыли. Никого из числа городской администрации и прочих управ не уволили, больные продолжали лечиться.

Вот так закончилось дело с выездом, вернее, с попыткой выезда на шашлыки. Кстати, а само мясо пролежало еще неделю в холодильнике прозекторской, где и было случайно обнаружено. Но из-за специфического запаха псиной, хотя, по мнению специалиста, это маловероятно, было забраковано и скормлено собакам.

Воронеж. 2011 год. Январь.